

Ален
Безансон

«Святая
Русь»

Le
Ver
à Soie

© Le Ver à Soie, Virginie Symaniec éditrice
pour l'édition russe, 2013
© Éditions De Fallois pour la version originale française
Иллюстрация Обложки : © Simon Holzman
ISBN : 979-10-92364-10-1

Ален Безансон

«Святая Русь»

Перевод с французского
Галины Аккерман

Под редакцией Владимира Береловича

Le Ver à Soie
Virginie Symaniec éditrice

Карл Маркс писал в 1857 г.:

« Неодолимое влияние России заставляло Европу врасплох в различные эпохи, оно пугало народы Запада, ему покорялись как року или оказывали лишь судорожное сопротивление. Но чарам, исходящим от России, сопутствует скептическое отношение к ней, которое постоянно вновь оживает, преследует ее, как тень, усиливается вместе с ее ростом, примешивает резкие иронические голоса к стонам погибающих народов и издевается над самым ее величием, как над театральной позой, принятой, чтобы поразить и обмануть зрителей. Другие империи на заре своего существования встречались с такими же сомнениями, но Россия превратилась в исполина, так и не преодолев их. Она является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом»¹.

Запад был заморожен Россией. Со времени знакомства с ней, он всегда задавался вопросом о ее сущности. Она и привлекала его, и внушала ему страх. Он делал попытки как приобщить ее к своему миру, так и изгнать ее оттуда, но не преуспел ни в том, ни в другом. «С начала XVIII столетия и до наших дней, продолжает Маркс, ни один из авторов, собиравшийся ли он превозносить или хулить

¹ Карл Маркс, «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», гл. IV, voir http://scepsis.net/library/id_878.html

Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование.».

Эти вопросы задают себе и сами русские. Что такое Россия? Что значит быть русским? Какое место занимает Россия в мировой истории? Каково ее предназначение? Значительная часть русской литературы, от Пушкина до Солженицына, ставила эти животрепещущие вопросы, рассуждая о них, а то и полностью погружаясь в эту проблематику. Да и задолго до возникновения этой литературы безвестные монахи изрекали пророчества о России, которые цитируются по сей день.

В то же время история России хорошо известна. В XIX веке русские, а также немецкие, французские и английские историки создали солидные труды, собрали документы и изучили источники, следуя правилам европейской методологии. Большевикская революция сделала работу историка практически невозможной: то, что проходило через идеологическое сито, становилось неудобоваримым. Исследования, однако, продолжались за рубежом. Актуальность советской проблематики и необходимость в ней разобраться потребовали значительных интеллектуальных усилий. В крупных американских университетских центрах коллективы ученых вели методичные исследования. Если мы отбросим в сторону пропагандистские опусы, а также работы, испорченные невежеством или наивностью, остается солидная библиотека трудов, достойных доверия.

Россия не является бóльшей тайной для историка, чем Франция. Разумеется, не следует забывать, что ни одна книга по истории не способна исчерпать тайну нации, будь то Россия, Франция, Китай или даже Люксембург...

Возникают вопросы другого порядка.

Во-первых, европейцы явно уделяли мало внимания объективным знаниям о России, которыми они располагали. Предпочитая следовать предрассудкам, они видели Россию в кривом зеркале, и их разнообразные суждения не имели ничего общего с данными исторической науки. Россия оказалась средоточием множества различных, часто противоречивых иллюзий. В це-

лом Франция испытывала тягу к этой стране. В конце книги я попытаюсь объяснить, какие сугубо французские страсти способствовали формированию такого взгляда на Россию.

Во-вторых, сами русские расходятся друг с другом в понимании этих вопросов, которые волнуют их самым страстным образом.

Наконец, сама Россия стремилась внушить иностранцам ложное представление о себе. И «обманутые» иностранцы издавна жаловались на «русскую ложь». Однако, подобные жалобы представляются слишком простым объяснением их ошибок.

Вначале я вкратце коснусь этой «лжи». Затем я погружусь в более сложные вопросы, которые уведут нас гораздо дальше, к религиозным корням «русского комплекса» и его различным воплощениям в истории. А закончу я анализом французских иллюзий.

I

Ложь

Искусство лжи так же старо, как и сама Россия. Кюстин и Мишле считали его важнейшей российской чертой.

В ту пору, при Николае I, традиционная ложь стала предметом национальной гордости. Как писали с поразительной силой Гоголь и Пушкин, Россия велика, мощна и убога. Но этот контраст был невыносимым и к тому же политически опасным, так как Россия находилась под властью авторитарного правления. Необходимо было представлять дело так, словно правители преуспели в своих планах. В целях сокрытия неудач, прибегали ко лжи. Прежде всего, лгали иностранцам (как отмечал Кюстин, ложь иностранцам была профессией), а затем лгали самим себе. Искали утешения в чистоте православия, величии души и духовности. В качестве компенсации презирали Европу, стыдя ее за нечестивое христианство, узость души и материализм. Мы еще вернемся к религиозным корням этой традиционной лжи.

В XX веке у этой лжи появилась новая и более сложная версия: ложь коммунистическая. Не будучи собственно русской, она, тем не менее, начала распространяться по миру из России, охватив огромные территории.

Каковы два уровня этой новой лжи?

Первый заключается в том, чтобы заставить

поверить в осуществление утопии. Для этого выставляются напоказ декоративные «достижения»: – обильный урожай, успехи в области образования, социальное благополучие, бурный экономический рост. Западные путешественники долго верили в эту ложь, хотя она легко рассыпалась в прах при самой поверхностной проверке, будучи простым продолжением традиционной, «классической» русской лжи.

Второй уровень – это стремление убедить западного наблюдателя, что на коммунистической территории жизнь подчиняется тем же законам, что и в западном мире. Например, иностранцу сообщают ложные цифры экономического роста. Он не верит этому и делает поправку: он предполагает, что рост составляет, скажем, не 10%, а 4%. Тем не менее, его побуждают инстинктивно верить, что на Востоке существует тот же экономический идеал, что и на Западе: экономический рост, обогащение, благосостояние. Иностранец не видит, что советский экономический проект радикальным образом отличается от западного, и если такой проект вообще существует, то он не является *экономическим* в привычном для нас смысле этого слова.

Помимо отсылки к якобы общей реальности, для создания эффективного механизма обмана иностранцу подсовывают идеологическую псевдореальность. Например, ему представляют мэра, журналиста, историка. И иностранец верит, что имеет дело с мэром, журналистом, историком. Если он достаточно смышлен, то он не верит их лживым заявлениям, но при этом не ставит под сомнение то, что сами их функции соответствуют общепринятым западным стандартам. Эти люди кажутся ему «коллегами» – он будет считать профессора профессором, а мэра мэром. По возвращении домой он расскажет, что разговаривал в Москве с «коллегой».

Первую ложь можно назвать *словесной*, а вторую *экзистенциальной*, ибо шулерская игра между реальностью и псевдореальностью фальсифицирует саму жизнь, дезориентируя иностранца. Вспоминаю (это было в эпоху Брежнева) свою

беседу с высокопоставленным и весьма почтенным финансовым инспектором, который вернулся из длительной командировки в СССР, имевшей целью изучить так называемые «реформы» и дать им оценку. В результате визита он пришел к выводу, что эти реформы «являются не очень эффективными». Иными словами, французский специалист выступил как «коллега» советских «реформаторов». Как будто цели и намерения советских чиновников имели что-либо общее с намерениями нашего министерства финансов, стремящегося к росту эффективности в сфере экономического управления!

Но вот рухнула коммунистическая идея. Пала ее идеологическая опора. Миллионы книг, написанных дубовым языком пропаганды, были сданы в макулатуру. Тысячам профессиональных идеологов режима пришлось срочно пере-квалифицироваться. Ленин перестал быть интеллектуальным авторитетом, хотя его статуи по-прежнему стоят на многих площадях. Может показаться, что Россия вернулась в общую историю всего человечества и что она сталкивается с теми же трудностями, что и другие страны. По крайней мере таков имидж, который она хочет внушить всему миру.

Россия восстановила дореволюционные герб и флаг, в то время как Франция, через два с лишним века после революции, восстала бы, если бы ей захотели вновь навязать королевскую геральдическую лилию. Россия отреставрировала свои церкви, монастыри и царские дворцы, а во Франции, где часть архитектурного достояния была разрушена во время революции, подобные усилия предприняты не были. Ибо Франция приняла свою революцию, которая, несмотря на все эксцессы, привела к созданию нового и жизнеспособного общества. В России же нечего было спасать из мертвой коммунистической утопии, оказавшейся неспособной построить новое общество на руинах прошлого. Ей оставалось лишь восстановить старые декорации. Германии пришлось все делать заново на территории бывшей ГДР – дороги,

мосты, электросеть, водоснабжение, канализацию. Все, вплоть до последнего крана. Если бы задача модернизации была поставлена в России, ей пришлось бы пойти по тому же пути. Этого, однако, не случилось.

Вместо этого Россия приобщилась к року, концептуальному искусству, психоанализу, супермаркету, короче, всему тому, что можно получить от Запада, не производя коренных изменений. В рекордный срок толстая баба похудела и приобрела силуэт манекенщицы. Теперь она одевается, как на Манхэттене. К крайнему изумлению западных визитеров Москва приобретает «западную физиономию».

Но исчезла ли ложь? Отнюдь нет. Похоже, она стала еще более глубинной и запутанной. Этому в значительной степени способствовала именно реставрация дореволюционного прошлого.

Когда раньше партиец бубнил идеологическую речь, он знал, что его слова лишены содержания: они всего лишь подтверждают силу советской власти. Когда обычный гражданин был вынужден брать слово, он вещал на этом же бессмысленном языке, демонстрируя тем самым свою покорность. Как показала Франсуаза Том, в коммунистический период сосуществовали четыре языка, которые нелегко выделить в чистом виде². Исследовательница различает собственно *НОВОЯЗ*; *ПСЕВДОНОВОЯЗ*, на котором заставляли публично изъясняться простого советского гражданина; естественный язык, на котором он говорил со своими друзьями или в семейном кругу; и псевдоестественный язык, который партийный чиновник употреблял, чтобы убедить своего

² См. Françoise Thom, *La langue de bois*, Paris, 1987. *НОВОЯЗ* (термин Джорджа Оруэлла) является специфическим языком коммунистической власти. Его целью является создать у говорящих на нем иллюзию того, что идеологические постулаты соответствуют реальности. А поскольку реальная жизнь свидетельствует совсем о другом, она подменяется *НОВОЯЗОМ*, который играет роль постоянного орудия педагогики: он зомбирует сознание и является символом террора. Франсуаза Том полагает, что этот язык является ключом к пониманию коммунистического режима, его конечной тайной, и что он, по сути, сросся с ним в единое целое.

собеседника в том, что они похожи и живут в одной реальности³. Два первых языка исчезли сразу же, как только лишились силовой поддержки. Остались два других, странным образом перемешавшись друг с другом.

В современной России псевдоестественный язык находится в зависимости от онтологической лжи. Чиновник нового режима хочет заставить нас верить в то, что он является патриотом, верует в Бога и желает видеть Россию свободной и процветающей. Он утверждает, что черпает свою легитимность в народном волеизъявлении и всеобщем голосовании, уважая универсальные правовые принципы, которые избранный законодательный орган прописал в новой российской Конституции. Титулы российского президента, министра, судьи представляются нам уважаемыми. Россия, казалось бы, вписывается в наше общее пространство.

Подобная онтологическая ложь вводит в заблуждение иностранца. Однако российские подданные прекрасно это понимают. Они знают, что новый язык является таким же орудием для искажения реальности, как и старый, но только более эффективным и правдоподобным, потому что все пользуются этим языком. Он находится на службе у власти. Российские подданные нашли слово, обозначающее новых хозяев: *СИЛОВИКИ*, те, кто обладает силой. Они говорят на общепринятом языке, но их цель – не сказать правду, а внушить ложное представление своему собеседнику.

По сути, у власти в России остались те же люди. Для осуществления перемен, Россия должна была осуществить радикальное, официальное изгнание коммунистической идеи, следуя принципу *проклятия памяти* (*damnatio memoriae*) своего коммунистического прошлого. Ей следовало согласиться на новое рождение (*born again*), по примеру послевоенной Германии. Однако все было сделано для того, чтобы избежать такого очищения. Вместо того, чтобы честно вернуться к вопросу о массовых преступлениях и низостях

³ В эпоху Брежнева были поэты, изображавшие поэтическое вдохновение, не переступая пределов «псевдоестественного языка». Их охотно посылали за границу в качестве глашатаев «оттепели».

коммунистического правления, их замалчивают. Россия прикрывает их пышными торжествами в духе царского двора и православной литургией, которые и раньше были отчасти пронизаны ложью, а теперь полностью в ней утопают. Никто не понес наказания за преступления коммунизма, в то время как было перевешано столько нацистов. Руководство поменялось, но политические кадры сохранились.

Не был вычищен дух коммунизма. Силовики нашли способ лгать, говоря некое подобие правды. Солженицын поклялся в свое время «жить не по лжи» и призвал к этому все общество. Нескольким героям-диссидентам удалось сохранить чистые сердца среди абсолютной лжи коммунизма, ибо она была для них очевидной. Сегодня они погружены в некую помесь. Их старые враги говорят на их языке. Им не удастся говорить правду, потому что они больше не знают, в чем она заключается. По существу, они развращают честных людей, увлекая их за собой в сферу общечеловеческого, которая на самом деле таковой не является. Романисты и сценаристы создают любовные истории на фоне родных пейзажей. Они стремятся показать проблемы молодого поколения, трудности жизни, поиски трансцендентности, мистические переживания. Однако у проницательного западного наблюдателя закрадывается подозрение, что и тут его хотят убедить, что эти герои – такие же, как мы, а на самом деле они – другие. Он задает себе вопрос, не является ли неореализм нынешних русских авторов еще более фальшивым, чем соцреализм старых времен. И не получают ли в России еще большее, чем в прошлом, удовольствие от традиционного обмана иностранцев⁴?

⁴ На что же опирается российская власть в настоящее время, когда в коммунизм давно уже не верят и на *новоязе* больше не говорят (хотя его употребление было обязательным вплоть до 1990 г.)? На две старые трансцендентные ценности. Первая из них – это методично возрожденное православие. Церковь была вновь поставлена в центре государства, для чего не потребовалось даже менять иерархов, привыкших к беспрекословному послушанию. Были восстановлены церкви и монастыри, и руководители государства не пропускают крупных церковных праздников, пытаясь выдвинуть

II

Православие

В чем кроется сложность представить истину как наложение мысли или слова на действительное положение вещей? Как появилась тенденция к «раздвоению» истины до такой степени, что непонятно, где она находится?

Для того, чтобы понять причину такого расщепления, нужно глубоко погрузиться в интеллектуальную историю России и дойти до самого архаичного периода, от которого остались свидетельства. Речь пойдет о религиозных структурах, берущих свое происхождение в Византии. Они были заимствованы на Руси и претерпели там изменения в соответствии с ее историей и опытом.

Религиозная матрица укоренилась в русском сознании. Даже после периодов относительного забвения, как, например, в эпоху петербургских императоров, или насильственного уничтожения, как во время большевиков, она неизменно всплывала на поверхность, и сегодня она пробудилась к жизни, словно забытая, но хорошо известная мелодия. Хочу предупредить читателя,

православную веру на роль эрзац-идеологии. Московская патриархия является одним из наиболее мощных рычагов влияния российского государства за рубежом. Второй ценностью, живучей и искренней, является сама огромность русского государства. Яркое цветное пятно на карте мира, растянутое на девять или одиннадцать часовых поясов, является предметом ревнивой гордости и неизбывной преданности всего народа.